

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого
Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Люсиль Демуленъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ французской революціи, въ Люксембургскомъ паркѣ, въ Парижѣ, почти ежедневно можно было видѣть молодую дѣвушку, прогуливавшуюся въ сопровожденіи своей матери. Дама, прославившаяся своею красотою, была женою одного чиновника министерства финансовъ, по имени Дюплесси, а маленькая прелестная блондинка, которая такъ весело и возбужденно болтала съ нею, его дочь Люсиль.

Благовоспитанная, всегда привѣтливая, дѣвушка эта привлекала вниманіе гуляющихъ и, въ особенности, одного бѣднаго, некрасиваго студента, который часто посѣщалъ паркъ и, стараясь держаться поближе къ ней, наблюдалъ эту „божественную блондинку“, какъ онъ называлъ ее, питая къ ней самыя нѣжныя чувства. Это былъ Камилль Демуленъ. Люсиль нравились разговоры молодого человѣка; они всегда были вдохновенны и интересны. Онъ заикался, но это вовсе не смущало ее. Бѣдный студентъ вскорѣ овладѣлъ сердцемъ, богатой наслѣдницы, хотя и безъ надежды когда-нибудь жениться на ней, такъ какъ казалось невозможнымъ добиться на это согласія ея отца. Что касается матери, то она была снисходительнѣе и даже покровительствовала свиданіямъ молодыхъ людей.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ она только

и посѣщала Люксембургскій паркъ, гдѣ они сходились и обмѣнивались своими сердечными чувствами.

Въ этотъ самый паркъ, гдѣ Люсилъ еще ребенкомъ проводила въ мечтаніяхъ свои одинокіе вечера, гдѣ, уже молодой дѣвушкой, выслушивала нашептыванія любви, нѣсколько лѣтъ позднѣе пришла она съ полнымъ отчаяніемъ, чтобы побродить вокругъ дворца, заключеннымъ въ стѣнахъ котораго томился ея мужъ, въ ожиданіи вѣрной смерти.

Камилль Демуленъ учился одновременно съ Робеспьеромъ въ коллегіи Людовика Великаго въ Парижѣ; оба были стипендіатами. Двадцати пяти лѣтъ онъ уже былъ адвокатомъ, но съ трудомъ зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба.

Онъ не обладалъ представительной наружностью; у него были большой носъ, вздутыя губы и сильно выдающіяся скулы. Никто не былъ такъ убѣжденъ въ его безобразіи, какъ самъ Камилль Демуленъ. Но въ его большихъ глазахъ свѣтилось выраженіе, изъ котораго проглядывалъ гений, его угловатыя черты выказывали большую энергію.

12 іюля 1789 года ему представился случай доказать это на дѣлѣ. Въ это воскресенье по улицамъ Парижа было развѣшано большое объявленіе, посредствомъ котораго мирныхъ гражданъ предупреждали не показываться на улицахъ. Отряды войскъ ходили по всѣмъ направленіямъ, слышался шумъ отъ передвиженія пушекъ по мостовымъ.

Весь Парижъ былъ пораженъ отставкой Неккера *).

*) *Жакъ Неккеръ*, знаменитый государственный человекъ, по части финансовъ и министръ Людовика XVI, родился 1732 г. въ Женевѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Бранденбурга, былъ профессоромъ государственнаго права. Неккеръ изучалъ торговую часть, былъ сначала банкиромъ въ Парижѣ, обратилъ на себя вниманіе своими сочиненіями по части финансовъ; въ 1776 г. назначенъ совѣтникомъ финансовъ, а въ іюнь 1777 г.

„Неккера, любимаго народомъ министра, освободителя Франціи, и уволить!“ Реакція торжествовала. Изголодавшееся населеніе Парижа приняло извѣстіе объ этомъ съ глухою яростью. Распространялись слухи, которые ничего хорошаго не предвѣщали. Говорили о томъ, что король отказался выслушать адресъ учредительнаго собранія, которымъ ему настоячиво давали понять о необходимости удаленія изъ столицы чужеземныхъ войскъ. Въ этомъ смыслѣ Неккеръ сдѣлалъ представленіе королю, вслѣдствіе чего онъ и получилъ свою отставку. Было около 3 часовъ пополудни, когда Камилль Демуленъ вышелъ изъ кафе де-Фой и протискивался сквозь толпу, наполнявшую дворъ Пале-Рояля. Пале-Рояль былъ тогда излюбленнымъ мѣстомъ собраній горячихъ патриотовъ. Онъ держалъ въ рукахъ пистолетъ, твердо рѣшившись сопротивляться „гнусной полиціи“, если она попытается арестовать его. Но полиція медлила, увидѣвъ Камилла Демулена окруженнымъ насторожившейся толпой, служившей ему защитой, и потому онъ могъ безпрепятственно обратиться съ рѣчью къ собравшимся тамъ 6000 людямъ. Онъ говорилъ немного и безъ особой послѣдовательности, но его слова воспламенили сердца и дали опредѣленное выраженіе неяс-

генераль-директоромъ ихъ. Какъ ловкій банкиръ, онъ сумѣлъ сначала найти деньги; его полезныя распоряженія возстановить общественный кредитъ доставили ему однако много противниковъ изъ числа людей, извлекавшихъ себѣ выгоды изъ разстроеннаго состоянія финансовъ, и Неккеръ, 12 мая 1781 г., былъ отставленъ. Въ это время онъ написалъ: «Sur l'administration des finances». Въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ 1788 г., назначенный снова генераль-контролеромъ, Неккеръ пріобрѣлъ любовь народа, въ особенности, созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Послѣдовавшая 1789 г. отставка его служила поводомъ къ волненіямъ, послѣ чего еще разъ онъ призванъ былъ къ государственному управленію. Между тѣмъ, быстро распространившійся вездѣ духъ революціи, съ коимъ онъ не въ силахъ былъ уже бороться, заставилъ его, въ сентябрь 1790 г., добровольно выйти въ отставку.

нымъ мыслямъ, которыя возбудили внимавшую толпу. Вотъ, что говорилъ онъ: „Граждане, мы не должны терять ни минуты. Я только что прибылъ изъ Версаля, Неккеръ уволенъ въ отставку. Эта отставка для патріотовъ является тревожнымъ признакомъ новой варооломеевской ночи. Сегодня вечеромъ выступятъ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны, чтобы устроить намъ рѣзню, и намъ остается только одно спасеніе, взяться за оружіе, снабдивъ себя какими-либо значками, чтобы узнавать другъ друга... Пусть каждый изъ васъ возьметъ для этой цѣли листья отъ окружающихъ насъ деревьевъ и воткнетъ ихъ, какъ я, въ свои шляпы. (Немедленно же всѣ деревья были оголены). Наступилъ часъ столкновения между угнетенными и угнетателями, и мы должны предаться только одной мысли: безвременная смерть или вѣчная свобода. Итакъ, огласимъ призывъ: къ оружію!“ „Къ оружію!“ заревѣла толпа.

Подъемъ духа заставилъ сильнѣе забиться ихъ сердца и безпредѣльный гнѣвъ сверкалъ въ ихъ глазахъ. Возстаніе быстро охватило весь городъ... Сотни тысячъ мушкетеровъ взяли за оружіе, два дня спустя была разрушена Бастилія и возстаніе распространилось по всей Франціи.

Съ этого достопамятнаго дня судьба Демулэна была рѣшена; онъ сбросилъ съ себя званіе адвоката, съ любовью и страстью посвятилъ себя политической борьбѣ и съ жаромъ предался дѣламъ революціи посредствомъ пера. Онъ издалъ множество памфлетовъ, которые обращали на себя вниманіе какъ своимъ живымъ стилемъ, такъ и своею высокопарностью. Въ это время онъ основалъ изданіе „Journal des Revolutions de France et de Brabant“ *).

Съ этого же времени начинается для него полная всякихъ превратностей, подвижная жизнь; онъ боролся

*) „Журналь революцій Франціи и Брабанта“.

и страдалъ до того дня, пока его голова, отдѣленная отъ туловища, не скатилась съ эшафота. А между тѣмъ, казалось, онъ могъ бы рассчитывать на совѣтъ иной образъ жизни.

Послѣ того, какъ восемь лѣтъ подрядъ отецъ Люсилы отказывалъ Камиллу Демулэну въ ея рукѣ, онъ, наконецъ, 11 декабря 1790 года, далъ свое согласіе на ихъ бракъ.

Въ этотъ самый день Камиллъ Демулэнъ написалъ своему отцу слѣдующее письмо: „Сегодня я нахожусь на высотѣ своихъ желаній. Счастье долго заставляло меня ждать себя; но, наконецъ, оно пришло и я такъ счастливъ, какъ можно только быть таковымъ на землѣ. Родители этой восхитительной Люсилы, о которыхъ я уже столько разъ писалъ вамъ, которыхъ я люблю вотъ уже восемь лѣтъ подрядъ, отдають мнѣ ее, наконецъ, и не отталкиваютъ меня. Только что приходила ея мать, чтобы сообщить мнѣ это извѣстіе, при чемъ она плакала отъ радости. Большая разница въ средствахъ,—господинъ Дюплесси имѣетъ 20000 ливровъ годового дохода,—до сихъ поръ препятствовала моему счастью. Ея отецъ былъ ослѣпленъ другими предложеніями брака, которыя дѣлали Люсилы; и, однако, онъ отказалъ одному соискателю, имѣющему 100.000 франк., а передъ этимъ Люсиль сама отказала другому, имѣющему 25000 ливровъ годового дохода. Вы можете составить себѣ о ней представленіе по слѣдующему описанію одного происшествія. Когда ея мать обѣщала ее мнѣ, то привела меня въ ея комнату. Я бросился передъ Люсилью на колѣни, но былъ пораженъ ея смѣхомъ; тогда я посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что ея глаза не были въ лучшемъ состояніи, чѣмъ мои; они были полны слезъ, которыя текли даже въ изобиліи, и, однако, она все еще смѣялась. Никогда еще я не наблюдалъ такого удивительнаго явленія природы, и я не могъ понять, какимъ образомъ подобныя противоположности могли такъ сое-

двинуться. Ея отецъ сказалъ мнѣ, что нашу свадьбу онъ откладываетъ еще и потому, что не могъ пока выдать намъ обѣщанныхъ своей дочери 100.000 франковъ; но теперь онъ предлагаетъ мнѣ идти съ нимъ къ нота-рису, когда мнѣ заблагоразсудится. На это я ему сказалъ слѣдующее: „вы богачъ и во всю жизнь вашу сплошь вели денежные дѣла; я не вмѣшиваюсь въ содержание контракта, но такъ много денегъ кажется мнѣ обременительнымъ. Вы слишкомъ любите вашу дочь, больше чѣмъ это нужно, чтобы предоставить ее мнѣ по условію. Вы ничего не требуете отъ меня, поэтому составляйте контрактъ такъ, какъ находите лучше“. Сверхъ того, онъ даетъ намъ половину своего столоваго серебра, что стоитъ 10000 франковъ. Не будемъ, однако, говорить объ этомъ; важно только то, чтобы судьба надѣлила насъ счастьемъ“!

„Съ обратною же почтою, пришлите мнѣ ваше и моей матери согласіе; поѣзжайте въ курьерскомъ почтовомъ экипажѣ въ Лаонъ получить разрѣшеніе только на одно оглашеніе, одновременно въ Гизѣ и въ Парижѣ. Тогда мы можемъ безъ препятствій жениться черезъ недѣлю. Моя дорогая Люсиль такъ же, какъ и я, страстно желаемъ скорѣе соединиться такъ, чтобы насъ уже болѣе никто не могъ разлучить“.

„Не привлекайте этимъ извѣстіемъ злобы завистниковъ, заключите подобно мнѣ въ вашемъ сердцѣ эту радость и раздѣлите ее съ моей дорогой матерью и моими сестрами“.

„Итакъ, теперь я въ состояніи помогать вамъ и это значительно увеличиваетъ мою радость. Моя возлюбленная, моя жена, т. е. ваша дочь, и все ея семейство прижимаютъ васъ къ своему сердцу“.

29 декабря 1790 года состоялось вѣнчаніе въ церкви св. Сульпиція по католическому обряду, такъ какъ семья Дюплесси непременно настаивала на этомъ.

Вотъ доказательство тому, какъ революція, подобно

Сатурну, пожирала своихъ собственныхъ дѣтей. Изъ 60 свидѣтелей, присутствовавшихъ при бракосочетаніи Демулэна и Люсиль, по истеченіи трехъ лѣтъ оставались въ живыхъ только Дантонъ и Робеспьеръ. Всѣ остальные были въ изгнаніи или покончили свою жизнь на гильотинѣ. Вскорѣ, однако, Дантонъ и Робеспьеръ подверглись той же участи.

Первые мѣсяцы брака походили на солнечное сіяніе и были посвящены самой полной любовной страсти. Камилль Демулэнъ, какъ онъ самъ говорилъ, былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ и ему ничего не оставалось болѣе желать. Въ особенности, счастливо провели они первые лѣтніе мѣсяцы въ имѣніи господъ Дюплесси въ „Bourg-la-Reine“ („замокъ королевы“), которое они переименовали въ „Bourg-de-l'Égalité“ („замокъ равенства“).

Какъ двое беззаботныхъ дѣтей пользовались они радостями жизни въ деревнѣ, забывъ о всякихъ ея стѣсненіяхъ въ обществѣ себѣ подобныхъ. Люсиль любила по-женски, безгранично. Когда она замѣчала какіе либо недостатки у Демулэна, то говорила: „Если я нахожу у Камилла какіе либо недостатки, то и ихъ я люблю“. Наивная, романтическая дѣвушка прежде, была теперь преданной супругой, превосходнымъ товарищемъ; она воодушевлялась его идеями и надеждами и дѣлила съ нимъ его мечты и опасности.

Когда Демулэнъ писалъ свои образцовыя произведенія, Люсиль, сидя въ качальномъ креслѣ, мечтала о счастья и любви. Тогда онъ большею частью читалъ ей свои сочиненія, или она сама, опершись на его плечи, читала то, что онъ писалъ.

Остроумныя замѣчанія нравились ей, и часто они оба смѣялись, когда на бумагу перелагались веселыя сопоставленія и удачныя ссылки и сравненія.

Эта молодая, веселая, наивная женщина не понимала важнаго значенія обстоятельствъ того времени,

которое она переживала. Въ тѣ дни всякія идилліи скоро были нарушены громомъ пушекъ. Прелестное дитя забавлялось революціей, дразнило чудовище, которое скоро должно было поглотить какъ ее, такъ и тѣхъ, кого оно любило.

Въ салонѣ Демулэновъ собирались многіе выдающіеся дѣятели того времени. Дантонъ, въ особенности, охотно посѣщаль этотъ жизнерадостный домъ и цѣлыми часами наслаждался веселой болтовней и съумасброднымъ своеволіемъ этой счастливой пары. И, однако, время отъ времени, на эту вѣчную хохотушку находили приступы меланхолии и тоски. Тогда она говорила: „Гдѣ же находится счастье, котораго всѣ ищутъ? Люди ослѣплены. Думаютъ быть счастливыми, когда забываются. Нѣтъ, не бываетъ счастья на землѣ. Напрасно мы гоняемся за нимъ, это только призракъ“.

Можетъ быть, такое настроеніе являлось какъ бы неопредѣленнымъ предчувствіемъ обстоятельствъ, которыя должны были наступить?

Учредительное собраніе приказало, чтобы каждая община воздвигала въ своей ратушѣ алтарь, у котораго должны совершаться свадьбы, происходить крещенія и служить панихиды. Эти три торжественные момента въ жизни человѣка должны были совершаться у алтаря общины. Скоро наступило время, когда такой алтарь былъ единственнымъ въ странѣ, и ратуша единственнымъ храмомъ. Совѣтъ Мирабо *) былъ испол-

*) Графъ *Онорэ-Габріэль Викторъ Рикетти Мирабо*, служилъ ранѣе офицеромъ, но велъ необузданную, беспорядочную жизнь, по требованію отца, сидѣлъ нѣкоторое время въ Венсенской тюрьмѣ. Замѣчательный государственный дѣятель и литераторъ, съ легкой руки Камилла Демулэна прозванный историками эпохи революціи „французскимъ Макіавели“. По созывѣ генеральныхъ штатовъ, Мирабо выступилъ защитникомъ народныхъ интересовъ и управлялъ силою своего необыкновеннаго краснорѣчія переговорами, но преслѣдовалъ уничтоженіе аристократіи, привилегій, деспотизма и устано-

венъ: „Вы ничего бы не сдѣлали, еслибы не охристьянили революціи“.

Демулэнъ самъ понесъ своего маленькаго сына въ ратушу. Это было первое республиканское крещеніе, при которомъ ребенокъ получилъ имя Горація.

Въ объявленіи о рожденіи своего сына, Демулэнъ написалъ слѣдующее: „Я хотѣлъ избавить себя отъ упрека, который въ одинъ прекрасный день мой сынъ могъ бы мнѣ сдѣлать за то, что я связалъ его обязательствомъ къ опредѣленнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, которыя, весьма возмжно, могли бы оказаться несоотвѣтствующими его міровоззрѣнію и, такимъ образомъ, посредствомъ легкомысленнаго отношенія къ выбору одной изъ болѣе чѣмъ 900 существующихъ въ мірѣ религій по своему вкусу, затруднить ему вступленіе въ жизнь, да еще въ такое время, когда онъ не въ состояніи еще былъ узнавать даже своей матери“.

Когда Демулэнъ утомлялся отъ своихъ вѣчныхъ стычекъ, когда подлость, которую онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ, наполняла его душу отвращеніемъ, онъ спѣшилъ къ своему мирному домашнему очагу, чтобы отдохнуть вблизи своей вѣрной подруги. Люсилъ сама страшилась открытой жизни, довольствуясь скромною ролью жены и матери, стремленіе къ которой, казалось, было единственною цѣлью ея существованія. Однако, произошло нѣчто другое; жизнь предъявила къ ней большія требованія и она превзошла самое себя. Въ одну ночь беззаботная молодая женщина преобразилась въ героиню.

До 10 августа 1792 года она была преданной, любящей и боготворящей своего мужа супругой, хотя и

вліеніе конституціонной монархіи. Желая примирить дворъ съ революціей, онъ добился предсѣдательства, сперва въ якобинскомъ клубѣ, затѣмъ въ національномъ собраніи, но вскорѣ умеръ.

не выступавшей вмѣстѣ съ нимъ на арену великой революціи, однако, не препятствовавшей ему выполнить свой долгъ.

Но вдругъ она сбросила съ себя всякую робость, покинула свой тихій домашній очагъ и устремилась на поле битвы. Разъ жизнь Демулэна подвергалась опасности, ее ничто уже не могло удержать. Освободившись отъ ложнаго стыда и страха, она уже не остановилась ни передъ чѣмъ, даже передъ эшафотомъ, ради желанія спасти своего возлюбленнаго.

Ибо, дни мира и благополучія прошли, счастливыя времена исчезли, наступилъ часъ испытаній. 10 августа 1792 года былъ тѣмъ самымъ днемъ, когда парижскій народъ осадилъ Тюильери и низвергъ старинную династію Бурбоновъ. Люсиль почувствовала тогда въ первый разъ сознательно, что служеніе свободѣ требуетъ жертвъ покою и миру, что дни революціи суть дни страха, волненія и заботъ. Но, пусть Люсиль сама расскажетъ о тревожномъ состояніи въ ночь на 10 августа: „8 августа я вернулась изъ имѣнія. Всѣ умы уже бродили; у меня обѣдали марсельцы. Мы весело бесѣдовали. Послѣ обѣда мы были у мадамъ Дантонъ, которая едва ли когда нибудь казалась печальнѣе, какъ въ этотъ день; ея мальчикъ имѣлъ испуганный видъ. Дантонъ казался сосредоточеннымъ, я же смѣялась, какъ безумная. Они опасались, какъ бы чего не случилось; хотя я ни въ чемъ не была убѣждена и ничего не предвидѣла, я сказала, что непременно что-то случится, какъ будто я была увѣрена въ этомъ. „Но, какъ же можно такъ смѣяться“, сказала мнѣ мадамъ Дантонъ.— „Ахъ“, возразила я, „это для меня предзнаменованіе, что сегодня вечеромъ я пролью много слезъ“. Была чудная погода и мы пошли прогуляться, на улицахъ толпилось много народу, мимо насъ прошло нѣсколько санкюлотовъ, которые кричали: „Да здравствуетъ нація!“ Затѣмъ появилась конница,

за нею многочисленная пѣхота. Меня объялъ страхъ, и я сказала мадамъ Дантонъ: „уйдемъ!“ Она засмѣялась при видѣ меня дрожавшей отъ страха, но я сказала бывшей съ нами матери Дантона: „вы скоро услышите гулъ сраженія“. Когда я вернулась на квартиру мадамъ Дантонъ, я увидѣла, что тамъ всѣ вооружились; мой милый Камилль пришелъ туда же съ ружьемъ. О, Боже! я спряталась за альковъ, закрыла обѣими руками лицо свое и начала плакать. Между тѣмъ, я не хотѣла выказать столько слабости, чтобы передъ другими сказать Камиллу о моемъ нежеланіи его вмѣшательства во все это; но, я улучила минуту поговорить съ нимъ, чтобы другіе не слышали, и передала ему всѣ свои опасенія. Онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что не отстанетъ отъ Дантона. Но, тутъ я сразу ясно поняла, что онъ подвергался опасности. Фреронъ казался рѣшившимся погибнуть. „Я усталъ жить“, сказалъ онъ, „и ничего не ищу кромѣ смерти“.

„При взглядѣ каждый разъ на проходившіе мимо патрули, я думала, что вижу своихъ друзей въ послѣдній разъ. Я спряталась въ неосвѣщенномъ залѣ, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ приготовленій. Наши патріоты ушли; я сѣла поближе къ кровати, такъ какъ чувствовала себя въ большомъ угнетеніи, ослабѣвшею и по временамъ дремала; когда я хотѣла говорить, то заговаривалась. Вошелъ Дантонъ, чтобы лечь въ постель; онъ казался неспѣшнымъ, какъ будто ни къ чему не готовился. Наступила полночь, за нимъ приходили уже нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ отправился въ ратушу. Во францисканскомъ клубѣ долго раздавались звуки пабата“.

„Одинокая, вся въ слезахъ, прислонившись къ окну, закрывъ носовымъ платкомъ свое лицо, я прислушивалась къ звуку этого роковаго колокола. Дантонъ возвратился. Нѣсколько разъ приходили къ намъ и приносили, частью хорошія, частью дурныя, вѣсти.“

Мнѣ вдругъ стало ясно, что цѣль ихъ была ворваться въ Тюильери и, съ рыданіями, высказала имъ это. Я думала, что упаду въ обморокъ. Мадамъ Роберъ у всѣхъ разспрашивала о своемъ мужѣ и говорила: „если онъ погибнетъ, то я не переживу его. Но, этотъ Дантонъ является главнымъ зачинщикомъ, и если моего мужа убьютъ, то я буду въ состояніи заколотъ его кинжаломъ!“

„Камилль вернулся въ часъ ночи и заснулъ, оперевшись на мои плечи. Мадамъ Дантонъ казалась погруженною въ мысли о возможной смерти своего мужа. Рано утромъ слышались пушечные выстрѣлы. Мадамъ Дантонъ прислушалась, поблѣднѣла и вдругъ упала въ обморокъ“.

„Что будетъ съ нами, ахъ, мой бѣдный Камилль? Я не имѣю болѣе силы дышать!—Боже мой! если правда, что Ты существуешь, то спаси мужей, достойныхъ Тебя.—Мы хотимъ быть свободными! Ахъ, Боже мой! какъ это дорого обходится!“

Люсиль, выказавшая себя столь по-женски малодушною, сумѣла, однако, показать въ послѣдствіи, какъ надо умирать героиней.

10 августа 1792 года произвело переворотъ въ жизни Демулэна и водворило его, какъ онъ самъ выражается, во дворецъ Манпеона и Ламуаньона, вслѣдствіе назначенія его друга Дантона министромъ юстиціи, а его секретаремъ послѣдняго или, что тоже самое, статсъ-секретаремъ въ департаментъ юстиціи. По этому поводу, онъ тотчасъ же написалъ своему отцу: „Дѣло свободы побѣдило! Вопреки всѣмъ вашимъ предсказаніямъ, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, я достигъ послѣдней ступени, до которой можетъ дойти человѣкъ нашего соціальнаго положенія. Нисколько этимъ не хвастаюсь, даже менѣе чѣмъ это могло бы быть десять лѣтъ назадъ, потому что теперь я стою меньше нежели прежде, вслѣдствіе своихъ взглядовъ,

способностей и любви къ отечеству, которыхъ я уже не могу отдѣлять отъ впечатлительности, добраго отношенія къ людямъ и любви къ ближнему. Все это чувства, которыя охлаждаются съ годами“...

„Зависть вашихъ знакомыхъ въ Гизѣ, полныхъ недоброжелательства, злобы и мелкихъ страстей, сильно разразится противъ меня, лишь только они узнаютъ новость, которую назовутъ моимъ счастьемъ. Но, это великое счастье сдѣлало меня только болѣе грустнымъ и озабоченнымъ и сильнѣе заставляеть меня чувствовать бѣдствія моихъ согражданъ и всего человѣчества“.

„Всѣ эти обстоятельства нисколько не уменьшили моей сыновней любви и вашъ сынъ дастъ вамъ въ этомъ доказательство. Я думаю, что свобода укрѣпилась революціей 10 августа. Намъ остается теперь только сверхъ всего этого сдѣлать Францію настолько счастливою и цвѣтушею, насколько это возможно. Такому дѣлу я хочу пожертвовать моимъ ночнымъ отдыхомъ“...

Съ начала 1792 года Демулэнъ сталъ издавать новую газету подъ заглавіемъ „Le Vieux Cordelier“*), отличавшуюся весьма остроумными статьями. Вскорѣ газета приняла болѣе серьезную окраску и вдохновляла отвращеніе къ палачамъ и состраданіе къ ихъ жертвамъ. Гнушаясь видомъ сценъ, которыя проходили передъ нимъ, Демулэнъ имѣлъ смѣлость требовать образованія комиссіи милосердія.

*) „Старый Кордельеръ“.—Кордельеры, политическое общество, соперничало съ клубомъ якобинцевъ; основано было въ 1790 г. и имѣло мѣстомъ своихъ сборищъ монастырь кордельеровъ. Оно считало въ своей главѣ Дантона, Марата, Демулэна, Гебера и Шометта и, одно изъ первыхъ, требовало уничтоженія монархіи и установленія республики; послѣ смерти Дантона, клубъ кордельеровъ утратилъ свое значеніе.

Эти слова толкали его къ гибели, но онъ писалъ: „Желаете вы, чтобы я призналъ свободу, чтобы я упалъ къ ея ногамъ, чтобы за нее я пролилъ кровь свою? Тогда откройте тюрьмы для 200 000 гражданъ, которыхъ вы занесли въ списки подозреваемыхъ!“ Демулэнъ, всегда правдивый, даже съ опасностью самому попасть въ эти списки, неспособный скрывать свои мысли, вездѣ говорилъ открыто то, что думалъ. Когда однажды два пріятели заклинали его не вредить себѣ такъ несвоевременно и бесплодно, онъ распространился передъ ними о тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя положилъ въ основаніе своихъ поступковъ и все болѣе горячился.

— Если понадобится,—говорилъ онъ,—я готовъ наплевать на Робеспьера. Его упрямое тщеславіе мнѣ извѣстно и я уничтожу созданную имъ себѣ славу въ потомствѣ.

Черезъ нѣкоторое время снова приступили къ подобнымъ же предостереженіямъ, на что Люсиль сказала:

— Предоставьте ему выполнять свои задачи; онъ долженъ спасти свою страну. Кто изъ васъ хочетъ спорить, тотъ не получитъ отъ меня шоколада.

Событія становились все болѣе мрачными; наступили сентябрьскіе кровавые дни 1792 года, затѣмъ процессъ Людовика XVI, въ которомъ Демулэнъ, какъ членъ національнаго Конвента, подавалъ свой голосъ за смерть короля. Потомъ началось преслѣдованіе жиронды и, когда она, 31 мая 1793 года, пала, воцарился ужасъ и лихорадочно заработала гильотина. Демулэнъ боролся противъ этихъ революціонныхъ проявленій. Скоро онъ пошелъ еще далѣе, онъ сталъ требовать справедливости и кротости. Демулэнъ выполнялъ эту человѣческую обязанность за счетъ своей популярности и жизни. Робеспьеръ соглашался съ содержаніемъ первыхъ номеровъ „Le Vieux Cordelier“, но ни за что не

хотѣлъ простить Демулэну его призыва къ состраданію. Онъ сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Въ одномъ изъ засѣданій якобинскаго клуба, Сенъ-Жюсть выразился такъ: „Состраданіе, которое оказываютъ заключеннымъ, есть поразительный признакъ измѣны республикѣ, которая можетъ опираться только на нечувствительности“.

Демулэнъ какъ-то сказалъ:

— Подумай, Робеспьеръ, вѣдь любовь сильнѣе ненависти и ты долженъ положить предѣлъ этой бойнѣ.

Этотъ крикъ сердца не былъ услышанъ Робеспьеромъ и онъ хотѣлъ велѣть сжечь „Le Vieux Corde'ier“.

— Сжечь—не значитъ отвѣтить,—быстро нашелся Демулэнъ.

Робеспьеръ на нѣсколько секундъ замолчалъ въ замѣшательствѣ, но почувствовалъ въ себѣ усиленіе ненависти, когда Демулэнъ произнесъ:

— Никакая тиранія не такъ груба, какъ тиранія мелкихъ тирановъ.

Тогда Робеспьеръ съ яростью воскликнулъ:

— Хорошо, газета не будетъ сожжена, но пусть немедленно-же сличать различные нумера таковой. Если онъ того хочетъ, то пусть его подвергнуть позору. Пусть присутствующіе не удерживаютъ своего гнѣва, такъ какъ онъ твердо настаиваетъ на своихъ опасныхъ убѣжденіяхъ и своихъ позорныхъ статьяхъ. Человѣкъ, который такъ крѣпко держится за свои измѣнническія мысли, только заблуждается; еслибъ онъ хотѣлъ быть честнымъ, еслибъ онъ писалъ въ своей сердечной простотѣ, онъ бы не сталъ защищать далѣе статьи, отвергаемыя патриотами и принимаемыя контръ-революціонерами. Его мужество только подложно, онъ измѣняетъ людямъ, подъ диктовку которыхъ пишетъ свой листокъ; это показываетъ, что Демулэнъ есть орудіе одной подозрительной партіи, которая пользуется его перомъ, чтобы вѣрнѣе и съ большей дерзостью разлить ядъ.

— Ты осуждаешь меня здѣсь,—сказаль Демулэнъ,—но, развѣ я не былъ у тебя? развѣ я не читаль тебѣ листковъ, заклиная тебя во имя дружбы помочь мнѣ твоими совѣтами?

На это Робеспьеръ отвѣтилъ, что онъ читаль только одинъ или два нумера, а о другихъ и знать не хотѣлъ, чтобы не могли утверждать, что это онъ ихъ диктоваль. Прогонять ли или нѣтъ Демулэна якобинцы, это для него не интересно; онъ вѣдь только отдѣльная личность. Ему важно только то, чтобы восторжествовала свобода и была признана истина.

Такимъ образомъ, произошелъ разрывъ Демулэна съ Робеспьеромъ. Люсиль, орошаемая слезами, ясно представляла себѣ приближающуюся опасность, отчаивается, не зная, къ кому она можетъ обратиться за помощью, и вдругъ вспоминаетъ о Фреронѣ, близкомъ другѣ и прежнемъ газетномъ сотрудникѣ Демулэна, въ то время бывшемъ въ отсутствіи. „Возвращайтесь скорѣе“, писала она ему, „не теряйте времени. Вы не можете себѣ представить, что здѣсь творится... Насъ преслѣдуютъ невѣжды, интриганы и даже патриоты; Робеспьеръ два вечера подрядъ громилъ Камилла въ клубѣ. Дантона уже не слушаютъ, онъ падаетъ духомъ и слабѣетъ. Д'Эглантинъ арестованъ, заключенъ въ Люксембургъ... Я вижу вокругъ себя только несчастныхъ... Эти чудовища осмѣлились упрекнуть Камилла, что онъ женился на богатой женщинѣ... Ахъ, еслибъ они никогда не говорили обо мнѣ, не замѣчали бы моего существованія, предоставили бы они мнѣ свободу жить въ глубокомъ уединеніи! Я ничего отъ нихъ не требую, готова уступить имъ все, чѣмъ владѣю, лишь бы не дышать съ ними однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Еслибъ я могла забыть ихъ и всѣ страданія, которыя они намъ причинили! Жизнь моя становится для меня въ тягость. Гдѣ ты, сладкое, тихое счастье; ты обошло меня! Глаза мои наполняются слезами, но свои страданія я заключаю

въглубь моего сердца, показывая Камиллу ясное лицо и притворяясь бодрой, чтобы онъ продолжалъ оставаться мужественнымъ!»!

Фреронъ, однако, не придавалъ обстоятельствамъ слишкомъ серьезнаго значенія и даже шутилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

Въ ночь съ 30 на 31 марта, Демулэнъ, въ тотъ самый моментъ, когда хотѣлъ лечь въ постель, слышитъ вдругъ шумъ отъ удара объ мостовую ружейнымъ прикладомъ.

— Это пришли арестовать меня,—вскричалъ онъ и упалъ на руки жены своей, чтобы еще разъ прижать ее къ своему сердцу, послѣ чего самъ пошелъ отворить двери полицейскимъ сержантамъ, которые арестовали его и повели въ Люксембургскую тюрьму *).

*) Одновременно съ Демулэномъ арестовали Дантона, Лакруа и Филиппо. На слѣдующій день депутатъ Лежандръ, пытаясь защитить дантонистовъ въ Конвентѣ, предложилъ, чтобы они были выслушаны собраніемъ. „Защищая Дантона“, сказалъ Робеспьеръ, „Лежандръ думаетъ, вѣроятно, что имя это привилегировано; нѣтъ, мы не хотимъ привилегій, не хотимъ идиоловъ... Одни соучастники могутъ заступаться за измѣнниковъ“. Громъ рукоплесканій встрѣтилъ слова Робеспьера. Лежандръ поблѣднѣлъ, умолкъ и поспѣшилъ преклониться передъ торжествующей силой, назвавъ своихъ друзей „преступниками“. Такъ смолкъ единственный слабый голосъ протеста, раздавшійся въ пользу Дантона и его сторонниковъ. Терроризованное собраніе поспѣшило заявить свою солидарность съ Робеспьеромъ. Затѣмъ раздался голосъ Сень-Жюста,—голосъ безпощадный, звучавшій какъ смертный приговоръ. „Республика въ народѣ“, сказалъ онъ, „а не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ“. Главные удары свои Сень-Жюстъ направилъ противъ Дантона; о Камиллѣ Демулэнѣ онъ отозвался презрительно, какъ о простякѣ, въ концѣ-концовъ сдѣлавшемся соучастникомъ. Всѣ четверо обвинялись въ роялистскомъ заговорѣ, подкупѣ, иамѣнѣ. Конвентъ привѣтствовалъ докладъ Сень-Жюста шумными единодушными рукоплесканіями и Кутонъ, прославляя его покорность, воскликнулъ: „Конвентъ идетъ какъ армія, военнымъ шагомъ“.

К. В.

На другой день Демулэнъ написалъ первое письмо къ Люсиле: „Я въ тайномъ заключеніи; но, иногда не приходило мнѣ на мысль чувствовать тебя, твою мать и маленькаго Горація въ такой близости ко мнѣ. Люсилъ, ангелъ мой, все время моего заточенія я буду проводить въ писаніи къ тебѣ, такъ какъ ни для чего другого мнѣ уже не требуется брать перо въ руки“.

„Мое оправданіе содержится въ восьми томахъ моихъ республиканскихъ сочиненій. Это хорошая подушка, на которой покоится моя совѣсть въ ожиданіи приговоровъ революціоннаго трибунала и потомства. Ахъ, дорогая Лолетта, будемъ говорить о другихъ вещахъ. Я падаю на колѣна, раздвигаю мои руки, чтобы заключить тебя въ свои объятія, но не нахожу моей бѣдной Лулу. Пришли мнѣ стаканъ, на которомъ выгравированы наши имена, и книгу о безсмертіи души. Мнѣ необходимо убѣдиться, что есть Богъ, болѣе справедливый, чѣмъ люди, и что мы еще увидимся. Но, не огорчайся очень моими мыслями, моя дорогая подруга, я еще не отчаиваюсь въ людяхъ и въ моемъ освобожденіи. Да, дорогая моя, быть можетъ, мы еще будемъ въ состояніи свидѣться съ тобою снова въ Люксембургскомъ паркѣ. Прощай, Люсилъ, прощай, Даронна (мать Люсиле), прощай Горацій. Я не могу заключить васъ въ свои объятія, но въ слезахъ, которыя я проливаю, мнѣ кажется, что я все еще прижимаю васъ къ моему сердцу“.

Люсилъ плакала, когда читала это письмо. Когда ее хотѣлъ утѣшить одинъ изъ друзей, то она сказала ему, что, конечно, совершенно излишне плакать какъ баба, такъ какъ Камиллъ страдаетъ, во всемъ нуждается, не можетъ всѣхъ ихъ видѣть, но она будетъ имѣть достаточно мужества, чтобы спасти его.

— Зачѣмъ оставили меня на свободѣ? Развѣ полагають, что я не осмѣлюсь возвысить свой голосъ потому только, что я женщина? Или они рассчитывали на мое

молчаніе? Я пойду къ якобинцамъ, я пойду къ Робеспьеру!

Газетчики говорятъ, что ее видѣли во всякое время для бродившею вокругъ тюрьмы, гдѣ былъ заключенъ ея мужъ. Она дѣлала напрасныя попытки поднять движеніе въ народѣ, чтобы освободить мужа.

Робеспьеру она написала слѣдующее письмо: „Здоровъ-ли ты, осмѣливаясь обвинять насъ въ контрреволюціонныхъ намѣреніяхъ и въ измѣнѣ отечеству, ты, который уже и безъ того воспользовался многими, изъ сдѣланнаго для него нами? Камиллъ видѣлъ зарожденіе твоего честолюбія и заранѣе предчувствовалъ дорогу, по которой ты пойдешь; но, онъ вспомнилъ о вашей старинной дружбѣ и, будучи въ одинаковой степени выше твоего безчувственнаго Сенъ-Жюста и твоей завистливости, бросилъ всякое намѣреніе порицать своего школьнаго товарища, сотрудника въ своихъ работахъ. Эта рука, которая пожимала твою, преждевременно отложила перо, не будучи уже въ состояніи держать его, чтобы льстить тебѣ“.

„А ты! ты посылаешь его на смерть! Такъ то понималъ ты его молчаніе! За это онъ долженъ благодарить тебя. Отечество, по всей вѣроятности, поставило бы это ему въ упрекъ; но, именно, благодаря тебѣ, отечеству то и не останется неизвѣстнымъ, что Камиллъ Демулэнъ передъ всѣми былъ оплотомъ и защитникомъ республики“.

„Итакъ, Робеспьеръ, неужели ты приведешь въ исполненіе злой умыселъ, который тебѣ внушили несомнѣнно низкія души, тебя окружающія? Забылъ ли ты тѣ дружескія отношенія, о которыхъ Камиллъ никогда не могъ вспоминать безъ умиленія? Ты, который желалъ благополучія нашему союзу, ты, который самъ вложилъ наши руки одну въ другую, который улыбался нашему маленькому сыну, дѣтскія руки котораго тебя такъ часто ласкали, можешь ли ты отвергнуть мою

мольбу, не обратить вниманія на мои слезы, попать ногами справедливость?“

„Ты, вѣдь, знаешь, что мы не заслужили судьбы, которую намъ готовятъ и которую ты въ состояніи предотвратить! Если она насъ постигнетъ, то только по твоему приказанію. Но, какое же преступленіе совершилъ мой Камилль?“

„Я не владѣю достаточно опытными перомъ, чтобы защищать его; но, голосъ добрыхъ гражданъ и твое сердце, если оно отзывчиво и правдиво, будутъ за меня. Думаешь ли ты, что къ тебѣ отнесутся съ довѣріемъ, когда увидятъ, что ты жертвуешь своими друзьями? Или, ты думаешь, что будутъ благословлять того, кто не скорбитъ ни о слезахъ вдовы, ни о смерти сироты?“

„Еслибъ я была женой Сенъ-Жюста, я бы сказала ему: дѣло Камилла, твое дѣло, а также и всѣхъ друзей Робеспьера. Какъ былъ далекъ Камилль, въ своей сердечной простотѣ, отъ подозрѣній къ судьбѣ, которая его ожидаетъ сегодня. Онъ думалъ работать для твоей же славы, обращая вниманіе на то, чего еще недостаетъ нашей республикѣ. Безъ сомнѣнія, его оклеветали передъ тобой; иначе ты не могъ бы считать его виновнымъ. Подумай, что онъ никогда не требовалъ отъ тебя смерти человѣка, что онъ никогда не дѣлалъ вреда при посредствѣ твоей силы; и что ты былъ его стариннѣйшимъ и лучшимъ другомъ. Даже, еслибы онъ не такъ сильно любилъ свое отечество и не такъ сильно былъ бы привязанъ къ республикѣ, я полагаю, что его привязанность къ тебѣ заступала мѣсто патріотизма, и ты думаешь, что за это мы заслуживаемъ смерти? Такъ какъ, быть пораженными ею, это значить *)...“

При допросѣ передъ революціоннымъ трибуналомъ, на вопросъ о возрастѣ, Демулэнъ отвѣтилъ:

*) Письмо это осталось недоконченнымъ и не достигло своего назначенія.
К. Б.

— 33 года, возрастъ санкюлота Иисуса.

Онъ считалъ себя такимъ же мученикомъ, который одинаково долженъ былъ умереть за то, что проповѣдывалъ челоуѣколюбіе и боролся противъ рабства. Когда послѣ допроса, его возвратили въ тюрьму, онъ потерялъ всякую надежду на оправданіе, и присѣлъ, чтобы написать женѣ прощальное письмо, весьма трогательное по своему содержанію. „Благотворный сонъ произвелъ перерывъ въ моихъ страданіяхъ. Свободенъ, когда спишь, не чувствуешь своего заточенія. Небо сжалилось надо мной: только что прошелъ моментъ, когда я видѣлъ тебя во снѣ, цѣловалъ васъ попеременно: тебя, Горація и Даронну, бывшую у насъ. Нашъ мальчикъ лишился одного глаза вслѣдствіе оспы и ощущеніе этого несчастья пробудило меня отъ сна; я опять увидѣлъ себя въ своей камерѣ. Уже немного свѣтало. Такъ какъ я не могъ болѣе ни видѣть, ни слышать тебя, вѣдь, ты и твоя мать говорили со мною во снѣ, то я всталъ, чтобы говорить съ тобой посредствомъ письма. Но, когда я открылъ окно, мысль о моемъ одиночествѣ, отвратительные запоры и рѣшетка, которые отдѣляютъ меня отъ тебя, побѣдили всю твердость души моей. Я залился слезами или, вѣрнѣе, рыдался, взывая въ своей могилѣ: Люсиль! Люсиль! о, моя возлюбленная Люсиль, гдѣ ты?“

„Вчера вечеромъ былъ моментъ, въ который я почувствовалъ, что сердце мое какъ бы разорвалось на части. Я замѣтилъ твою мать въ паркѣ. Инстинктивное движеніе заставило меня упасть на колѣна у оконной рѣшетки и скрестить руки, какъ бы взывая къ ея страданію. Конечно, теперь она изливаетъ свою печаль на твоей груди. Чтобы скрыть ее отъ меня, вчера она опустила вуаль на свое лицо, не будучи въ состояніи смотрѣть въ мою сторону“.

„Пришли мнѣ твой портретъ, Лолотта, умоляю тебя. Въ моей ужасной тюрьмѣ это будетъ для меня празд-

никомъ, днемъ упоенія и восторга. Между прочимъ, пришли мнѣ и локопъ твоихъ волосъ, чтобы я могъ прижать его къ своему сердцу. Итакъ, я опять переносусь во времена моей первой любви, когда я интересовался всегда тѣмъ, кто приходилъ отъ тебя. Вчера, когда гражданинъ, отнесшій къ тебѣ мое письмо, вернулся, я сказалъ ему: „Итакъ, вы ее видѣли?“ При этомъ взглядъ мой приковался къ его одеждѣ, къ его фигурѣ, какъ будто на немъ что-то осталось отъ тебя, отъ твоего разговора съ нимъ.“

„Это сострадательная душа, потому что онъ безъ замедленія доставилъ тебѣ письмо. Я буду видѣться съ нимъ, вѣроятно, два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Этотъ вѣстникъ нашихъ страданій будетъ для меня столь же дорогимъ, какъ нѣкогда былъ такимъ вѣстникъ нашихъ радостей.“

„Я обнаружилъ въ моей камерѣ щель. Приложивъ къ ней ухо, я услыхалъ вздохи. Рѣшившись сказать нѣсколько словъ, я услыхалъ голосъ томившагося за стѣною больного, спрашивавшаго у меня мое имя. И когда я назвалъ ему себя, то онъ, воскликнулъ: „ахъ Боже мой!“ снова упалъ на постель, съ которой старался приподняться; и я вполне отчетливо распозналъ голосъ Фавра д'Эглантина. „Да, я Фавръ“, сказалъ онъ; „но, ты здѣсь? значитъ, наступила контръ-революція?“

„Но, мы не осмѣливались продолжать разговора, изъ боязни, какъ бы подлая несправедливость не лишила насъ и этого слабаго утѣшенія. Еслибъ насъ слышали, то подвергли бы болѣе строгому содержанію и надзору. Такъ какъ моя камера отопляется, то она представляется до нѣкоторой степени уютной, если вообще это можно сказать о тюрьмѣ.“

„Но, моя возлюбленная, ты не можешь себѣ представить, что значитъ быть въ секретномъ заключеніи, не зная основаній, безъ допроса, не получая никакой газеты. Это значитъ жить и въ то же время быть мер-

твымъ; это значитъ только существовать, чтобы чувствовать, что находишься въ гробѣ. Говорятъ, невинность спокойна, мужественна! Ахъ, моя дорогая Люсиль, моя горячо любимая! но, моя невинность часто такъ слаба, какъ невинность мужа, отца, сына! Еслибы со мною такъ поступили Питтъ или Кобургъ, столь рѣзко осуждавшіе меня; но, мои товарищи! но, Робеспьеръ, подписавшій приказъ о моемъ арестѣ! А, республика, послѣ всего того, что я для нея сдѣлалъ! Вотъ награда за всю добродѣтель, за всѣ жертвы!“

„Когда я вступалъ сюда, я видѣлъ Геро-Сешелля, Симона, Фену, Шометта; они менѣе несчастливы, никто изъ нихъ не находится въ секретномъ заключеніи. Я тотъ, который, въ теченіе пяти лѣтъ, устранилъ отъ республики столько мерзостей, столько опасностей. Я, который сохранялъ свою бѣдность въ разгарѣ революціи, я, который ни у кого на свѣтѣ, кромѣ тебя, моя Лолотта, не нуждаюсь просить прощенія, и которому ты уже дала его, потому что ты знаешь, что мое сердце, несмотря на его слабости, не недостойно твоего. Мужички, которые считаются моими друзьями, которые называютъ себя республиканцами, бросаютъ меня въ тюрьму, въ секретное заключеніе, какъ заговорщика. Сократъ выпилъ ядъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ могъ видѣться въ тюрьмѣ съ женой и дѣтьми. Какъ ужасно быть съ тобой въ разлукѣ! Величайшій преступникъ былъ бы жестоко наказанъ, если-бы его разлучили съ такою „Люсилью“ иначе, чѣмъ естественною смертью, когда онъ только на одинъ мигъ пришелъ бы къ сознанію горя отъ такой разлуки.“

„Но, преступникъ не былъ бы твоимъ мужемъ; ты меня за то только и любила, что я жилъ для счастья моихъ согражданъ... Меня вызываютъ...“

„Меня только что допрашивали слѣдственные судьи передъ революціоннымъ трибуналомъ. Мнѣ задали только одинъ вопросъ: не участвовалъ ли я въ заговорѣ про-

тивъ республики? Какое издѣвательство! И можно ли такъ оскорблять истиннаго республиканца? Я предвижу участь, которая меня ожидаетъ. Прощай, моя Люсиль, моя дорогая Лолотта. Передай также мое послѣднее прости и моему отцу. На мнѣ ты видишь примѣръ варварства и людской неблагодарности.“

„Мои послѣднія минуты не принесутъ тебѣ безчестія. Ты видишь, что мои опасенія, какъ и мои предчувствія, всегда имѣли основаніе.“

„Я женился на божественной по ея добродѣтелямъ женщинѣ; я былъ хорошимъ мужемъ, хорошимъ сыномъ, могъ бы быть также и хорошимъ отцомъ. Я увошу съ собой уваженіе и сожалѣніе всѣхъ истинныхъ республиканцевъ, всѣхъ людей, высоко цѣнящихъ добродѣтель и свободу. Я умираю 34 лѣтъ; но, удивительно, какъ это, въ теченіе пяти лѣтъ, я избѣгалъ столько пропастей революціи, не попавъ ни въ одну изъ нихъ, и еще живу, имѣя возможность спокойно прислонить свою голову на изголовье изъ столь многочисленныхъ сочиненій, которыя всѣ одинаковымъ образомъ дышатъ челоуѣколюбіемъ, всѣ выражаютъ одинаковое желаніе сдѣлать моихъ согражданъ счастливыми и свободными, которыхъ не уничтожить сѣкира тирановъ“.

„Я вижу, конечно, что власть опьяняетъ почти всѣхъ людей, что всѣ похожи на тирана Діонисія Сиракузскаго, говорившаго: „Тираннія есть прекрасная надгробная надпись“. Но, утѣшись, несчастная вдова. Эпитафія твоего бѣднаго Камилла славнѣе эпитафій Брута и Катона. О, моя милая Люсиль! я родился, чтобы писать стихи, защищать несчастныхъ, сдѣлать тебя счастливой, чтобы съ тобою, твоей матерью и моимъ отцомъ создать новый Отаити *). Я мечталъ о республикѣ,

*) Отаити или Таити, самый большой островъ въ Полинезіи. Намекъ на переворотъ въ управленіи при королѣ Помаре I (1793—1803 г.г.), пользовавшемся помощью англичанъ для усмиренія взбунтовавшихся подданныхъ. *Ж. Б.*

которая осчастливила бы весь міръ. Я не подозрѣвалъ, чтобы люди могли быть столь грубы и несправедливы. Могъ ли я думать, что простая шутка въ моихъ статьяхъ противъ моихъ товарищей, которые даже поощряли меня, сотретъ воспоминаніе о моихъ заслугахъ? Я во все не скрываю, что умираю жертвою этой шутки, а равно и вслѣдствіе моей дружбы съ Дантономъ. Я благодарю своихъ убійцъ, заставляющихъ меня умереть съ нимъ и съ Филиппо; а такъ какъ мои товарищи оказались настолько малодушными, что повѣрили клеветѣ, которой я не знаю, но которая, конечно, принадлежитъ къ числу наигрубѣйшихъ, то я могу сказать, что мы умираемъ жертвой нашего публичнаго обвиненія въ преступленіяхъ и нашей любви къ истинѣ. Мы вправдѣ унести съ собою свидѣтельство, что погибаемъ послѣдними изъ республиканцевъ“.

„Прости, дорогая подруга, что, съ момента нашей разлуки, я потерялъ сознаніе дѣйствительной жизни и забочусь о своей посмертной памяти. Этимъ способомъ, я хотѣлъ собственно забыть о настоящемъ моемъ положеніи, моя Люсиль, моя добрая Лулу, мое сердечко. Не предавайся отчаянью изъ-за меня, не зови меня, живи для Горація, говори съ нимъ обо мнѣ. Ты ему расскажешь, когда онъ начнетъ понимать, какъ сильно я любилъ его“.

„Несмотря на свой смертный приговоръ, я вѣрю, что существуетъ Богъ. Мои заблужденія и недостатки челоуѣческой природы искупить кровь моя; за все же, что было во мнѣ хорошаго, за мою добродѣтель и любовь къ свободѣ, вознаградить меня Богъ. Я когда нибудь снова увижусь съ вами, о, Люсиль, о, Аннета! *) Смерть избавитъ меня, особенно, при моей впечатлительности, отъ зрѣлища столькихъ преступленій. И развѣ смерть ужъ такое великое несчастье? Прощай,

*) Мать Люсилы.

моя Лулу, моя жизнь, мое божество на землѣ. Я оставляю тебѣ добрыхъ друзей и все то, что дѣлаетъ людей добродѣтельными и чувствительными. Прощай, Люсиль! моя Люсиль! моя милая Люсиль! Прощайте, Горацій, Аннета, Адель, мой отецъ!”

„Я чувствую, какъ берега жизни все болѣе удаляются отъ меня. Я вижу еще Люсиль, я вижу ее, мою возлюбленную! Моя Люсиль! Тебя сжимаютъ мои цѣпнющія руки; угасающіе взоры глазъ моихъ все еще устремлены на тебя!“

Допросъ опять возобновился, но это была только простая формальность, такъ какъ судъ объявилъ, что уже достаточно во всемъ освѣдомленъ. Это значило закрыть ротъ обвиняемому. Въ изступленіи Камилль обозвалъ судей палачами, убійцами. Дантонъ бросилъ имъ въ лица хлѣбные шарики. Демулэнъ разорвалъ свой обвинительный актъ въ куски и бросилъ ихъ на голову огриватительнаго публичнаго обвипителя Фукье-Тенвилля. Вслѣдъ за этимъ былъ объявленъ приговоръ.

Когда пришли за Демулэномъ, чтобы отвезти на мѣсто казни, онъ съ яростью воскликнулъ:

— Какъ? быть убитымъ Робеспьеромъ?

Когда его уже везли, онъ безпрестанно кричалъ:

— Народъ, бѣдный народъ, тебя обманываютъ, уничтожаютъ твои опоры, твоихъ лучшихъ защитниковъ!

При этомъ, отъ порывистыхъ тѣлодвиженій, на немъ разорвалась одежда. Дантонъ, напротивъ, казался очень спокойнымъ и, обводя презрительнымъ взглядомъ волновавшуюся толпу, сказалъ Демулэну:

— Успокойся и оставь эту презрѣнную сволочь!

Когда имъ пришлось проѣзжать мимо дома Робеспьера, у Демулэна вырвались такія пророческія слова:

— Ты послѣдуешь за нами, твой домъ будетъ разрушенъ до основанія и мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, будетъ засыпано солью.

— Вотъ награда первому апостолу свободы. Эти из-

верги, которые убиваютъ меня, недолго переживутъ меня!—воскликнулъ Демулэнъ, когда вдали показалась уже гильотина.

Онъ умеръ 5 апрѣля 1794 года.

Несчастливая Люсиль! Кто въ состояніи изобразить ея страданія! Дѣйствительно-ли она агитировала въ тюрьмахъ, чтобы вызвать возстаніе въ пользу своего мужа? Дѣйствительно-ли она для этой цѣли вступила въ соглашеніе съ генераломъ Диллономъ? И вѣрно-ли, что она предоставила ему большую сумму денегъ для подкупа людей? Однако, мстительный Сень-Жюсть утверждалъ все это и положилъ такія обвиненія въ основу своего доклада, для привлеченія ея къ слѣдствію.

Мы увидимъ далѣе, какъ эта молодая, жизнерадостная женщина вдругъ воспряла передъ лицомъ несчастья и какъ мужественно и безстрашно пошла она навстрѣчу событію. Слабое, прекрасное созданіе выказало болѣе мужества и храбрости, нежели ея мужъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій революціи слѣдуетъ признать то, что она внушаетъ женщинамъ стремленіе къ высоко героическимъ подвигамъ и непритворному презрѣнію къ смерти.

Послѣ краткаго допроса, Люсиль была объявлена виновною и, вмѣстѣ съ генераломъ Диллономъ, приговорена къ смерти.

Она съ большимъ хладнокровіемъ ожидала своего смертнаго приговора, и, когда онъ былъ объявленъ, сказала:

— Значить, я скоро буду имѣть счастье увидѣть снова своего Камилла! Покидая эту землю, гдѣ у меня уже ничего не осталось, что могло бы привязывать меня къ жизни, я гораздо менѣе несчастна, нежели вы, которые, оставаясь въ живыхъ, скоро почувствуете угрызенія совѣсти, сопровождающія преступленіе, и это будетъ до тѣхъ поръ, пока вашу жизнь ни прекратитъ постыдная смерть.

Возвратившись въ тюрьму, она написала прощальное письмо къ своей матери: „Покойной noci, моя милая мама. Слезы капаютъ изъ глазъ моихъ: онѣ для тебя. Я засыпаю навѣки сномъ праведницы“.

Мадамъ Дюплесси написала слѣдующее письмо Робеспьеру: „Значитъ, умертвить твоего лучшаго друга оказалось недостаточно; тебѣ нужна еще кровь его жены? Твой чудовищный Фуке-Тенвилль только что распорядился отправить ее на эшафотъ. Проидетъ часа два и она перестанетъ жить. Робеспьеръ, если ты не тигръ съ человѣческимъ обликомъ, если кровь Камилла не опьянила тебя до такой степени безчувствія, что ты лишился сознанія, если ты помнишь еще наши искреннія, дружескія отношенія, и тѣ ласки, которыя ты дарилъ маленькому Горацію, наконецъ, если припомнишь, что ты намѣревался стать моимъ зятемъ, пощади невинную жертву. Но, если ты свирѣпъ, какъ левъ, тогда приходи и бери также насъ, меня, Адель и Горація, приходи растерзать всѣхъ насъ тронхъ твоими, обогрѣнными кровью Камилла, руками и—да соединить насъ всѣхъ общая могила“.

„Жена Дюплесси“.

Робеспьеръ не внялъ этой просьбѣ. Эта несчастная мать долго еще влачила на землѣ свое печальное одиночество, отклоняя отъ себя всякое утѣшеніе и сочувствіе.

13 апрѣля 1794 года, черезъ восемь дней послѣ совершенія Демулэномъ своего послѣдняго путешествія, вновь потащились кровавыя дроги по улицамъ Парижа, сопровождаемыя насмѣшками и издѣвательствомъ безумной толпы. На дрогахъ въ подвѣчномъ уборѣ, съ бѣлой фатой на прекрасныхъ волосахъ, сидѣла рядомъ и спокойно разговаривала съ молодымъ, также приговореннымъ къ смерти, человѣкомъ Люсиль Демулэнь.

На мѣстѣ казни, передъ лицомъ смерти, она сохраняла то же спокойствіе и, даже съ нѣкоторою гордостью,

взошла на ступени эшафота. Для нея онѣ замѣняли ступени алтаря. Вѣдь, она опять увидится съ Камилломъ! и эта мысль заставила ее даже улыбнуться. Супруга, умирающая ради своего мужа! она была жертвою высокой любви и благороднѣйшаго, святаго увлеченія.

Не было ни одного человѣка, какихъ бы политическихъ воззрѣній онъ ни придерживался, чтобы эта смерть не заставила облиться его сердце кровью. Она не играла никакой политической роли, какъ мадамъ Роланъ или Шарлотта Кордэ; это была просто женщина, по внѣшности походившая на дѣвушку или ребенка.

Но, какое же преступленіе совершила она? Что хотѣла спасти своего мужа, своего добраго мужа Камилла, защитника рода человѣческаго?

Эта мужественная, прелестная женщина умерла, исполняя свои священнѣйшія обязанности во имя добродѣтели!

Люсиль Демулэнь достойна высокиихъ почестей. Это горячее, молодое существо умерло такъ, какъ могли умирать только съ сильнымъ характеромъ мужчины и великія женщины.

Почтенная Э. Адлеръ даетъ такое заключеніе біографіи Люсилы Демулэнь, которое вызываетъ у читателя нѣкоторое недоумѣніе; да и вообще, по нашему мнѣнію, біографія этой замѣчательной женщины вышла у автора нѣсколько блѣдной. Неужели эта, воспѣтая современными поэтами, предметъ восхищенія всѣхъ, кто ее зналъ и видѣлъ, Люсиль Дюплесси, не игравшая, какъ мадамъ Роланъ или Шарлотта Кордэ, никакой видимой политической роли, только тѣмъ и замѣчательна, что пожертвовала собою во имя добродѣтели, исполняя лишь свои женскія обязанности въ отношеніи къ мужу? Какъ бы страшно она его ни любила, не могла же она быть на-

столько душевно ослѣпленной, чтобы въ ней не шевелилось сознание и своихъ материнскихъ обязанностей? Такое самопожертвованіе присуще большинству женщинъ и, конечно, не могло бы быть предметомъ оцѣнки знаменитости Люсиль Демулэнъ по тѣмъ признакамъ, по которымъ относятъ другихъ славныхъ борицъ за человѣческія права во время великаго общественнаго переворота, во время великой французской революціи.

Она, дѣйствительно, не выступала открыто и потому не могла возбудить противъ себя ненависти со стороны какой-либо политической партіи. Ее обвинили въ преступленіи, имѣвшемъ лишь косвенное отношеніе къ политикѣ,—въ простомъ желаніи вырвать любимаго мужа изъ рукъ его палачей. Между тѣмъ, она несомнѣнно оказывала большое вліяніе на укрѣпленіе политическихъ убѣжденій Камилла Демулэна, который до женитьбы отличался большимъ непостоянствомъ взглядовъ, исканіемъ весьма неясныхъ, противорѣчивыхъ пріемовъ для использованія своихъ рѣдкихъ, великодушныхъ качествъ,—любви къ отечеству, способности къ самопожертвованію, пренебреженія личнымъ благомъ ради блага общественнаго. И въ этомъ, главнымъ образомъ, кроются несомнѣнныя основанія къ насильственному удаленію Люсиль съ арены общественной жизни, хотя и подъ другимъ предлогомъ.

Мы, поэтому, считаемъ нелишнимъ дополнить здѣсь біографію Люсиль Демулэнъ нѣкоторыми свѣдѣніями о ея личности, для лучшей характеристики, пользуясь для этого отчасти „Очерками изъ исторіи великой французской революціи“ Н. Мировичъ.

Встрѣтивши Люсиль въ 1787 году, дѣвушкой 16—17 лѣтъ, Демулэнъ безъ памяти въ нее влюбился, да и трудно было оставаться равнодушнымъ, судя по отзывамъ современниковъ, къ неотразимой прелести ея внѣшняго и внутренняго существа. Небольшого роста, стройная, граціозная, съ грезовской головкой, okay-

мленной свѣтлыми волосами, вьющимися вокругъ улыбающагося почти дѣтскаго лица, Люсиль напоминала собою весеннюю, едва распустившуюся фіалку. Но спокойно ясное выраженіе лица мало соотвѣтствовало духовному ея существу. Въ ней была какая-то затаенная грусть, меланхолія, недовѣріе къ жизни, которой она инстинктивно чуждалась, боязнь къ людямъ, которые не могли ее понять. Горячая поклонница Руссо, она любила природу, искала уединенія, сторонилась отъ шумнаго общества. Это была натура впечатлительная, романическая, болѣзненно чуткая, нѣжный экзотическій цвѣтокъ конца XVIII столѣтія. Какъ у всѣхъ послѣдователей и, особенно, послѣдовательницъ Ж. Ж. Руссо, въ ней былъ и оттѣнокъ сентиментальности,—свойство, нечуждое въ то время даже такимъ сильнымъ, энергичнымъ натурамъ, какъ мадамъ Роланъ. Мечтать въ уединеніи было любимымъ времяпрепровожденіемъ Люсиль.

„По воскресеньямъ, — писала она въ своемъ дневникѣ, — мнѣ уже нельзя приходитъ мечтать въ этихъ рощахъ (Люксембургскій паркъ); онѣ не будутъ пустыни. Я удаляюсь отъ шумнаго веселья, часто противорѣчащаго настроенію сердца. Я чувствую, что не родилась, чтобы жить среди людей... Увы! чѣмъ ближе я ихъ узнаю, тѣмъ болѣе вижу, что надо отъ нихъ бѣжать. Нѣтъ между ними ни откровенности, ни прямоты, ни сердечности“.

Неясныя стремленія и мечтанія Люсиль вскорѣ разрѣшились встрѣчей съ Камилломъ Демулэнъ. Что же привлекло въ немъ и покорило сердце Люсиль? По отзывамъ современниковъ, Камиллъ не обладалъ притягательными внѣшними качествами, не выкупалъ своимъ разговоромъ недостатковъ природы. Окруженный ореоломъ славы знаменитаго публициста, онъ явился передъ Люсилью Дюплесси живымъ олицетвореніемъ современныхъ идей свободы, братства, равенства; и она полю-

била его во имя этих идей, непосредственнымъ чувствомъ чисто женской природы. Въ любви ея не было элемента анализа и критики и, тѣмъ неменѣе, встрѣтившись съ Камилломъ и усвоивши его политическіе и общественные взгляды, Люсиль, въ свою очередь, *оказывала на него вліяніе, поддерживая въ немъ пламя энтузіазма и горячей вѣры.*

Несогласіе отца Люсилы, недовѣрчиво относившагося къ литературной славѣ Демулэна, выдать за него свою дочь, сильно отражалось на ея душевномъ настроеніи. Сохранилась записка ея къ Камиллу (неизвѣстно, полученная ли имъ), гдѣ характерно отражается ея чувство, глубокое, стыдливое, страстное и, въ тоже время, трогательное въ своей наивности. „О, ты, который въ глубинѣ моей души, — пишетъ она, — я не смѣю тебя любить или, скорѣе, не смѣю сознаться въ своей любви... Ты страдаешь, говоришь ты, — о! я страдаю гораздо больше; твой образъ вѣчно въ моихъ мысляхъ; онъ не покидаетъ меня, я стараюсь отыскать въ тебѣ недостатки, нахожу ихъ и люблю. Скажи, зачѣмъ вся эта борьба? Почему я скрываю свое чувство даже отъ матери; я бы хотѣла, чтобы она его знала, угадала его, но мнѣ не хочется говорить ей о немъ“.

Мирная семейная жизнь не могла удовлетворить всѣмъ стремленіямъ Камилла. Жажда популярности, славы не давала ему покоя. Къ этому присоединялся мотивъ болѣе возвышенный и благородный; онъ считалъ долгомъ чести продолжать начатую борьбу, не успокаиваться на личномъ счастьѣ. Люсиль, проникнутая его идеями, видѣвшая въ мужѣ героя, призваннаго спасти отечество, поддерживала и разжигала въ немъ священный огонь патріотизма. Даже послѣ ареста Камилла, несмотря на охватившее ее отчаяніе, когда раздраженный Дюплесси, схватилъ стоящую на шкапу статую свободы и, взглянувъ на нее съ ненавистью и злобой, хотѣлъ разбить ее, Люсиль остановила его и

сказала: „Нѣтъ, отецъ, ты долженъ уважать ее; она умираетъ за нее!“

Въ то самое время, когда совершалась казнь Демулэна, Вадье объявлялъ о заговорѣ Диллона, противъ національнаго Конвента сообща съ другими преступниками, и въ слѣдующую же ночь обвиненныхъ заключили въ Консьержери. Люсиль Демулэнъ и Диллонъ, кромѣ того, предательски обвинялись Фукье-Тенвиллемъ въ попыткѣ возстановить на французскомъ престолѣ Людовика XVI.

По странной ироніи судьбы, вмѣстѣ съ Люсиль революціонный трибуналъ приговорилъ къ эшафоту вдова Гебера, одного изъ злѣйшихъ враговъ Камилла. Несчастье сблизило обѣихъ женщинъ. Во время процесса „онѣ вмѣстѣ сидѣли и плакали на дворѣ Консьержери“. Одинъ изъ свидѣтелей процесса, Гранпрэ, передаетъ, что въ день приговора вдова Гебера сказала, обращаясь къ Люсилы: „Какъ ты счастлива! никто не обвинялъ тебя, нѣтъ тѣни на твоёмъ поведеніи; выйдешь изъ жизни съ честью“. Между тѣмъ какъ вдова Гебера плакала, Люсиль улыбалась. „Кровь женщины, — говорила она, — изгнала Тарквиніевъ изъ Рима. Пусть же моя кровь уничтожитъ тираннію“. Обрѣзавъ волосы, она послала ихъ матери съ краткой запиской: „Прощай, милая мама. Я скоро усну въ спокойствіи невинности“. Когда подъѣхала повозка, чтобы везти осужденныхъ на казнь, генералъ Диллонъ подошелъ къ Люсилы и поклонился ей. „Я сожалею, — сказала она, — что являюсь причиной вашей смерти“. Диллонъ улыбнулся, возразивъ, что она явилась лишь предлогомъ для его осужденія и, въ свою очередь, обратился къ ней со словами соболѣзнованія. Люсиль прервала его: „Взгляните, развѣ я похожа на женщину, которой нужны утѣшенія!“

Поэтическій образъ Люсилы, промелькнувшій въ темную эпоху исторіи, чтобы исчезнуть такъ безвре-

менно и трагически, бросаетъ смягчающій свѣтъ на личность и дѣятельность Камилла Демулэна. Суровый приговоръ историка невольно смягчается передъ тѣмъ, кто такъ сильно любилъ и такъ много страдалъ во имя любви. Великой заслугой Камилла является его самоотверженность, глубокая преданность идеямъ чело­вѣческаго блага. Сознавъ свои заблужденія, онъ, не колеблясь, предпочелъ долгъ личному счастью, принесъ ему въ жертву свою жизнь и жизнь любимой женщины. Въ этомъ отношеніи примѣръ его глубоко назидателенъ для нашего времени. „Старый Кордельеръ“,—воззваніе Демулэна къ чувству гуманности и состраданія,—вотъ его вѣчный, славный памятникъ, передъ которымъ должны съ благодарностью преклониться позднѣйшія поколѣнія и съ благоговѣніемъ вспоминать о вдохновительницѣ этихъ чувствъ, поэтической Люсиле.

К. Б.
